

Марк
ТВЕН

ЯНКИ
ИЗ КОННЕКТИКУТА
ПРИ ДВОРЕ
КОРОЛЯ АРТУРА

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грубые законы и обычаи, о которых говорится в этой повести, исторически вполне достоверны, и эпизоды, их поясняющие, тоже вполне соответствуют тому, что нам рассказывает история. Автор не берется утверждать, что все эти законы и обычаи существовали в Англии именно в шестом веке; нет, он только утверждает, что раз они существовали в Англии и в других странах в более позднее время, то можно предположить, не опасаясь стать клеветником, что они существовали уже и в шестом веке. У нас есть все основания считать, что если описанный здесь закон или обычай не существовал в те отдаленные времена, его с избытком заменял другой закон или обычай, еще более скверный.

Вопрос о том, существует ли в действительности такая вещь, которую называют Божественным правом королей, в этой книге не затронут. Он оказался слишком сложным. Очевидно и бесспорно, что главой исполнительной власти в государстве должен быть человек высокой души и выдающихся способностей; столь же очевидно и бесспорно, что один только Бог может, не опасаясь ошибиться, избрать такого человека; отсюда с очевидностью и бесспорностью следует, что избрание его нужно предоставить Богу; и это размышление приводит к неизбежному выводу, что главу исполнительной власти всегда избирает Бог. Так по крайней

мере казалось автору этой книги до тех пор, пока он не натолкнулся на таких представителей исполнительной власти, как мадам Помпадур, леди Кастлмен и прочие в том же роде; их до такой степени трудно было зачислить в разряд Божьих избранников, что автор решил эту книгу (которая должна выйти к осени) посвятить другим вопросам, а потом, накопив побольше опыта, приналечь и вопрос о наследственном праве королей разрешить в следующей книге. Вопрос этот должен быть разрешен во что бы то ни стало, а зимой мне, кстати, делать будет нечего.

Марк Твен

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

С забавным незнакомцем, о котором я собираюсь рассказать, я встретился в Варвикском замке. Он мне понравился тремя своими свойствами: искренним простодушием, изумительным знанием старинного оружия и еще тем, что в его присутствии можно было чувствовать себя совершенно спокойно, так как все время говорил он один. Благодаря своей скромности мы очутились с ним в самом хвосте людского стада, которое водили по замку, и он сразу же стал рассказывать мне в высшей степени любопытные вещи. Его речи, мягкие, приятные, плавные, казалось, незаметно уносили из нашего мира и нашего времени в какую-то отдаленную эру, в старую, позабытую страну; он постепенно так околдовал меня, что мне стало чудиться, будто меня окружают возникшие из праха призраки древности и будто я беседую с одним из них! О сэре Бедивере, о сэре Борсе де Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде и о других славных рыцарях Круглого стола он говорил совершенно так же, как я говорил бы о своих ближайших личных друзьях, врагах или соседях; и каким старым-престарым, невыразимо старым, и выцветшим, и высохшим, и древним показался мне он сам! Внезапно он повернулся ко мне и сказал так просто, как говорят о погоде и самых обыкновенных вещах:

— Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случалось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?

Я ответил, что не случилось. Он не обратил на мой ответ никакого внимания, как будто бы и в самом деле разговор шел о погоде. Наступило молчание, которое сразу же нарушил скучный голос наемного проводника:

— Древняя кольчуга шестого века, времен короля Артура и Круглого стола, по преданию, принадлежала рыцарю сэру Саграмору Желанному; обратите внимание на круглое отверстие между петлями кольчуги с левой стороны груди; происхождение этого отверстия неизвестно, предполагают, что это след пули. Очевидно, кольчуга была пробита после изобретения огнестрельного оружия. Быть может, в нее выстрелил из озорства какой-нибудь солдат Кромвеля.

Мой знакомый улыбнулся; улыбка у него была какая-то странная, — так, быть может, улыбались много сотен лет назад, — и пробормотал про себя:

— Что скрывать! Я-то знаю, как была пробита эта кольчуга. — Затем, помолчав, прибавил: — Я сам ее пробил.

Я вздрогнул от изумления, как от электрического тока. Когда я пришел в себя, его уже не было.

Весь вечер я просидел у камина в Варвик-Армсе; за окнами стучал дождь и выл ветер. Время от времени я заглядывал в старинную очаровательную книгу сэра Томаса Мэлори, полную чудес и приключений, вдыхал ароматы позабытых столетий и опять погружался в думы. Была уже полночь, когда я прочел на сон грядущий еще один рассказ — о том...

...Как сэра Ланселот убил двух великанов и освободил замок

«...Вдруг появились пред ним два огромных великана, закованных в железо до самой шеи, с двумя страшными дубинами в руках. Сэр Ланселот прикрылся щитом, отразил нападение одного из великанов и ударом

меча раскроил ему голову. Другой великан, сие увидев и опасаясь страшных ударов меча, кинулся бежать как безумный, а сэр Ланселот помчался за ним во весь дух, ударил его по плечу и разрубил пополам. И сэр Ланселот вступил в замок, и навстречу ему вышли трижды двенадцать дам и дев, и пали пред ним на колени, и возблагодарили Господа и его за свое освобождение. „Ибо, сэр, — сказали они, — мы томимся здесь в заточении уже целых семь лет и вышиваем шелками, чтобы снискать себе пропитание, а между тем мы благороднорожденные женщины. И да будет благословен тот час, в который ты, рыцарь, родился, ибо ты более достоин почестей, чем любой другой рыцарь во вселенной, и должен быть прославлен; и мы умоляем тебя назвать свое имя, чтобы мы могли поведать своим друзьям, кто освободил нас из заточения“. — „Прелестные девы, — сказал он, — меня зовут сэр Ланселот Озерный“. И он покинул их, поручив их Богу. И он сел на коня, и посетил многие чудесные и дикие страны, и проехал через многие воды и доли, но нигде не был он принят подобающим ему образом. Наконец однажды, к вечеру, ему случилось приехать в прекрасную усадьбу, и там его встретила старая женщина благородного происхождения, которая оказала ему должный прием и позаботилась о нем и о его коне. И когда настало время, хозяйка отвела его в красивую башню над воротами, где для него было приготовлено удобное ложе. И сэр Ланселот снял свои латы, положил свое оружие рядом, лег в постель и сразу уснул. И вот вскоре подъехал всадник и стал торопливо стучаться в ворота. И сэр Ланселот, услышав стук, вскочил и глянул в окно и при свете луны увидел невдалеке трех рыцарей, которые, пришпорив коней, догоняли стучавшего в ворота. Приблизившись, они замахнулись на него мечами, а тот повернулся к ним и, как подобает рыцарю, защищался. „Поистине, — сказал сэр Ланселот, — я должен помочь сему рыцарю, который один сражается против трех, ибо, если

его убьют, я буду виновен в его смерти и позор падет на меня“. И он надел на себя латы и по простыне спустился из окна к четырем рыцарям и громким голосом прокричал: „Эй, рыцари, сражайтесь со мною и не троньте этого рыцаря!“ Тогда они все трое оставили сэра Кэя и набросились на сэра Ланселота, и началась великая битва, ибо рыцари спешили и стали наносить сэру Ланселоту удары со всех сторон. Тогда сэр Кэй вышел вперед, чтобы помочь сэру Ланселоту. „Нет, сэр, — сказал тот, — мне не нужна ваша помощь, вы можете помочь мне только тем, что оставите меня наедине с ними“. Сэр Кэй, к удовольствию рыцаря, вынужден был согласиться и отошел в сторону. И сэр Ланселот шестью ударами поверг их на землю.

Тогда они все трое взмолились: „Сэр рыцарь, мы покоряемся тебе, ибо нет тебе равного по силе!“ — „Я не нуждаюсь в вашей покорности, — ответил сэр Ланселот, — вы должны покориться не мне, а сэру Кэю, сене-шалу. Если вы согласны покориться ему, я дарую вам жизнь; если не согласны, я убью вас“. — „Прекрасный рыцарь, — возразили они, — мы не хотим лишаться своей чести, ибо сэра Кэя мы преследовали до самых ворот замка, и мы одолели бы его, если бы не ты; зачем же нам ему покоряться?“ — „Как хотите, — сказал сэр Ланселот, — вам предстоит сделать выбор между жизнью и смертью, а покориться вы можете только сэру Кэю“. — „Прекрасный рыцарь, — сказали они тогда, — чтобы спасти жизнь, мы поступим так, как ты нам повелеваешь“. — „В ближайший Троицын день, — сказал сэр Ланселот, — вы должны явиться ко двору короля Артура, изъявить свою покорность королеве Гиневре, препоручить себя ее милосердию и сказать ей, что вас прислал к ней сэр Кэй и повелел вам стать ее пленниками“. Наутро сэр Ланселот проснулся рано, а сэр Кэй еще спал; и сэр Ланселот взял латы сэра Кэя, и его щит, и его оружие, пошел в конюшню, сел на его коня и, простившись с хозяйкой,

уехал. Вскоре проснулся сэра Кэй, и не нашел сэра Ланселота, и заметил, что тот унес его оружие и увел его коня. „Клянусь, многим из рыцарей короля Артура придется испытать немало горя, ибо, введенные в заблуждение моими доспехами, они будут храбро нападать на сэра Ланселота, принимая его за меня. Я же, надев его латы и прикрываясь его щитом, доеду в полной безопасности“. И, поблагодарив хозяйку, сэра Кэй отправился в путь...»

Не успел я отложить книгу, как в дверь постучали и вошел мой давешний незнакомец. Я предложил ему трубку и кресло и принял его как мог любезнее. Я налил ему стакан горячего шотландского виски, налил ему еще стакан, потом еще, надеясь услышать его историю. После четвертого стакана он заговорил сам, просто и естественно.

Рассказ незнакомца

Я американец. Родился я и вырос в Хартфорде, в штате Коннектикут, сразу за рекой, в пригороде. Я янки из янки и, как подобает настоящему янки, человек практичный; всякой чувствительности, говоря иначе — поэзии, я чужд. Отец мой был кузнец, мой дядя — ветеринар, и сам я в юности был и кузнецом, и ветеринаром. Потом я поступил на оружейный завод и изучил мое теперешнее ремесло, изучил его в совершенстве: научился делать все — ружья, револьверы, пушки, паровые котлы, паровозы, станки. Я умел сделать все, что только может понадобиться, любую вещь на свете; если не существовало новейшего способа изготовить какую-нибудь вещь быстро, я сам изобретал такой способ, и это мне ровно ничего не стоило. В конце концов меня назначили старшим мастером: две тысячи человек работало под моим надзором.

На такой должности надо быть человеком боевым — это само собой понятно. Если под вашим надзором две тысячи головорезов, развлечений у вас будет немало. У меня, во всяком случае, их было достаточно. И в конце концов я нарвался и получил то, что мне причиталось. Вышло у меня недоразумение с одним молодцом, которого мы прозвали Геркулесом. Он так хватил меня по голове, что череп затрещал, а все швы на нем разошлись и перепутались. Весь мир заволокла тьма, и я долго ничего не сознавал и не чувствовал.

Когда я очнулся, я сидел под дубом на траве, в прелестной местности, совершенно один. Впрочем, не совсем так: рядом находился еще какой-то молодец, он сидел верхом на лошади и смотрел на меня сверху вниз, — таких я видывал только в книжках с картинками. Весь он с головы до пят был покрыт старинной железной броней, голова его находилась внутри шлема, похожего на железный бочонок с прорезями; он держал щит, меч и длинное копьё; лошадь его тоже была в броне, на лбу у нее торчал стальной рог, и пышная, красная с зеленым, шелковая попона свисала, как одеяло, почти до земли.

— Прекрасный сэръ, вы готовы? — спросил этот дедина.

— Готов? К чему готов?

— Готовы сразиться со мной из-за поместий, или из-за дамы, или...

— Что вы ко мне пристаёте? — сказал я. — Убирайтесь к себе в цирк, а не то я отправлю вас в полицию.

Что же он тогда, по-вашему, сделал? Он отъехал ярдов на двести и поскакал во весь опор прямо на меня, склонив свой железный бочонок к шее лошади и выставив свое длинное копьё вперед. Я увидел, что он не шутит, и когда он доскакал до меня, я был уже на дереве.

Тогда он объявил, что я его собственность, пленник его копьёя. Доводы его показались мне весьма убедительными, и, так как на его стороне были все преимущества,

я решил не возражать ему. Мы заключили соглашение: я пойду с ним, куда он прикажет, а он не будет меня обижать. Я слез с дерева, и мы отправились в путь; я шагал рядом с его конем. Мы двигались с ним не торопясь, через поля и ручьи, и я очень удивлялся, что никогда прежде этих полей и ручьев не видал; сколько я ни вглядывался, никакого цирка я так и не увидел. Наконец я перестал думать о цирке и решил, что незнакомец сбежал из сумасшедшего дома. Но и сумасшедшего дома не было видно, и я стал в тупик. Я спросил его, далеко ли мы от Хартфорда. Он ответил, что никогда не слышал такого названия; я решил, что он врет, но пререкаться с ним не хотел. Через час мы заметили вдали город, лежавший в долине, на берегу извилистой реки, а над городом, на холме, стояла большая серая крепость с башнями и бастионами, — впервые в жизни я увидел такую крепость наяву.

- Бриджпорт? — спросил я, указав рукой на город.
— Камелот, — сказал он.

.....
Моему незнакомцу, видимо, очень хотелось спать. Он сам несколько раз ловил себя на том, что клюет носом, и наконец, улыбнувшись своей трогательной старомодной улыбкой, сказал:

— Я больше не в силах рассказывать. Идемте ко мне, у меня все записано; я дам вам свои записи — если хотите, можете прочесть их.

Когда мы вошли к нему в комнату, он проговорил:

— Вначале я вел дневник, а потом много лет спустя переработал его в книгу. О, как давно это было!

Он вручил мне рукопись и указал место, с которого я должен был начать чтение.

— Начните отсюда, — все, что случилось прежде, я вам уже рассказал.

Он совсем засыпал. Направляясь к двери, я услышал, как он сонно пробормотал:

- Доброй ночи, прекрасный сэръ.

Я сел у камина и принялся разглядывать свое сокровище. Первая и большая часть записей была сделана на пергаменте, пожелтевшем от времени. Я тщательно изучил один листок и убедился, что это палимпсест. Из-под неразборчивых древних строк, написанных историком-янки, выступали следы других строк, еще менее разборчивых и еще более древних, — латинские слова и фразы, вероятно отрывки древних монашеских сказаний. Я перелистал рукопись до места, указанного мне незнакомцем, и стал читать...

Вот что я прочел.

ПОВЕСТЬ О ПРОПАВШЕЙ СТРАНЕ

ГЛАВА I Камелот

— Камелот... Камелот... — говорил я себе. — Нет, никогда не слышал я такого названия. Вероятно, так называется сумасшедший дом.

Местность вокруг нас, спокойная и мирная, была прелестна, как мечта, и совершенно пустынна. Воздух был полон аромата цветов, жужжания насекомых, пения птиц, но нигде не было видно ни людей, ни повозок. Дорога, по которой мы двигались, была, в сущности, узкой извилистой тропкой с отпечатками копыт и кое-где по бокам со следами колес на примятой траве — колес с ободьями шириной в ладонь.

Внезапно мы повстречали хорошенькую девочку лет десяти, с золотыми волосами, струившимися по плечам. На голове у нее был венок из огненно-красных маков. Приятно было на нее поглядеть, так шел ей этот венок. Она брела не торопясь, и на невинном ее личике отражалось спокойствие души. Мой спутник не обратил на нее никакого внимания, наверно, даже не заметил ее. А она? Она нисколько не удивилась его фантастическому наряду, словно ежедневно встречала людей в латах. Она прошла мимо него так же равнодушно, как прошла бы мимо коровы. Но что стало с ней, когда она увидела меня! Она подняла руки и окаменела от удивления, рот ее раскрылся, глаза испуган-

но расширились; вся она была воплощением любопытства, смешанного со страхом. Так она и стояла, глядя на меня, словно прикованная, пока мы не скрылись за поворотом лесной дороги. И я никак не мог понять, почему ее поразил я, а не мой спутник. И почему именно меня она считала необычайным зрелищем, а не себя, и почему глазела на меня с таким отсутствием великодушия, удивительным в существе столь юном. Тут было над чем призадуматься. Я шел как во сне.

Чем ближе мы подходили к городу, тем оживленней становилось вокруг. Мы проходили то мимо какой-нибудь ветхой лачуги с соломенной крышей, то мимо небольших полей или садов, очень дурно возделанных. Попадались нам и люди — похожие на рабочий скот здоровяки с длинными жесткими нечесаными волосами, падавшими им прямо на лицо. И мужчины и женщины были одеты в домотканые рубахи, спускавшиеся ниже колен, на ногах у них была грубая обувь, похожая на сандалии. У многих я видел на шее железный ошейник. Маленькие мальчики и девочки ходили совсем голые; но никто, казалось, этого не замечал. И все эти люди глазели на меня, говорили обо мне, кидались со всех ног в лачуги и вызывали оттуда родных — посмотреть на меня. Вид же моего спутника несколько их не удивлял; они ему смиренно кланялись, но он не отвечал на их поклоны.

В городе среди разбросанных в беспорядке лачуг с соломенными крышами стояло несколько больших каменных домов без окон; вместо улиц были кривые немощеные дорожки; полчища псов и голых ребятишек шумно играли на солнцепеке; свиньи рылись повсюду, — одна из них, вся облепленная грязью, разлеглась в огромной вонючей луже посреди главной улицы и кормила своих поросят. Внезапно издали донеслись звуки военной музыки. Звуки приближа-

лись, становились все громче, и я увидел кавалькаду всадников, которая казалась необычайно пышной благодаря султанам на шлемах, и сверканию лат, и колыханию знамен, и богатству одежд, и конским попонам, и золоченым остриям копий. Кавалькада торжественно двигалась по грязи среди свиной, голых ребятишек, веселых псов, ободранных лачуг, и мы последовали за нею. Мы шли в гору, все выше и выше, миновали одну грязную улочку, потом другую, пока наконец не взобрались на вершину холма, где было очень ветрено и где стоял огромный замок. Протрубил рог; в замке тоже в ответ протрубил рог; начались переговоры; нам отвечали со стен, где под колышущимися знаменами с грубыми изображениями драконов расхаживали воины в шишаках и панцирях, с алебардами на плечах. Затем распахнулись огромные ворота, опустился подъемный мост, и предводитель кавалькады двинулся вперед, под суровые своды; и мы, следуя за ним, оказались на просторном мощеном дворе, огороженном башнями и башенками, со всех четырех сторон поднимавшимися в голубизну небес: вокруг нас раздавались учтивые приветствия, всадники слезали с коней, шла веселая суета, полная пестроты, беготни, веселой неразберихи и шума.

ГЛАВА II

Двор короля Артура

Улучив минуту, я ускользнул в сторонку, толкнул в плечо одного старичка, попроще на вид, и шепнул ему:

— Сделайте мне, друг, одолжение. Скажите, вы служите в этом сумасшедшем доме или просто пришли навестить кого-нибудь из родных?

Он тупо поглядел на меня и сказал:

— Прекрасный сэр...

— Довольно, — сказал я. — Вы, я вижу, тоже пациент.

Я отошел и, призадумавшись, стал поглядывать, не замечу ли где случайно прохожего в здравом уме, который мог бы что-нибудь мне объяснить. Наконец мне показалось, что я нашел такого. Я подошел к нему и шепнул ему на ухо:

— Как бы мне на минутку повидать старшего зрителя? Только на одну минутку...

— Не препятствуй мне...

— Как вы сказали?

— Не мешай, если тебе это слово понятней.

Он объяснил, что он помощник повара и что у него сейчас нет времени на болтовню; потом он охотно со мной поболтает, так как ему до смерти хочется узнать, где я достал свою одежду. Тут он ткнул куда-то пальцем, сказав, что вот более подходящий для меня собеседник — у него много свободного времени, и к тому же он, без сомнения, меня ищет. Передо мною стоял тоненький мальчик в ярко-красных штанах, которые придавали ему сходство с раздвоенной на конце морковкой; верхняя его одежда была сшита из голубого шелка и кружев; на его длинных светлых кудрях сидела розовая атласная шапочка с пером, кокетливо сдвинутая на ухо. Судя по лицу, он был добряк, судя по походке — весьма доволен собой. Хорошенький мальчик — хоть вставляй в рамку!

Он подошел ко мне, улыбнулся и, осмотрев меня с нескрываемым любопытством, сказал, что послан за мною и что он глава пажей.

— Какая ты глава, ты одна строчка! — сказал я ему.